

Психология смеха в структурно-диалектическом подходе

Н.Е. Веракса

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-7319>, e-mail: neveraksa@gmail.com

Л.Ф. Баянова

Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»)
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7410-9127>, e-mail: balan7@yandex.ru

Т.В. Артемьева

Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО «КФУ»),
г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0040-1301>, e-mail: Tatyana.Artemeva@kpfu.ru

Статья посвящена обсуждению психологии смеха с точки зрения ее функционального предназначения в культуре. Обращение к теме смеха обусловлено необходимостью описания его парадоксальной природы, состоящей из диалектических противоречий. Актуальным является исследование становления смеха в детской субкультуре и включение его в предметную область психологии развития. Целью данного исследования стало определение психологического значения смеха в культуре как системе нормативных ситуаций. Мы предположили, что в нормативной ситуации как биосоциальной единице культуры смех проявляется как феномен бинарной природы, содержащий отношения противоположностей. Структурно-диалектический метод анализа, заключающийся в поиске противоположностей, позволил выстроить объяснительную модель изучаемого феномена. В качестве бинарных пар при исследовании смеха как психологического явления были выделены антиномии «свобода—страх», «добро—зло», «мир—антимир». Смех как психологический феномен имеет диалектическую структуру, в которой страх порождает стремление к свободе; культурная миссия смеха связана с обнаружением зла — как нарушения нормы и добра — как незыблемости культуры. Условием преодоления страха и достижения иллюзорной свободы через смех выступает вытеснение зла в нереальный мир, что ведет к надситуативности субъекта.

Ключевые слова: структурно-диалектический метод, смех, нормативная ситуация, культурная конгруэнтность.

Для цитаты: Веракса Н.Е., Баянова Л.Ф., Артемьева Т.В. Психология смеха в структурно-диалектическом подходе семей // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190311>

Psychology of Laughter in a Structural-Dialectical Approach

Nikolay E. Veraksa

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-7319>, e-mail: neveraksa@gmail.com

Larisa F. Bayanova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7410-9127>, e-mail: balan7@yandex.ru

Tatiana V. Artemyeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0040-1301>, e-mail: Tatyana.Artemeva@kpfu.ru

The article is devoted to the discussion of the psychology of laughter from the perspective of its functional purpose in culture. Addressing the topic of laughter is due to the need of describing its counterintuitive nature, consisting of dialectical contradictions. The study of the laughter formation in the children's subculture and its inclusion in the subject area of developmental psychology is of immediate interest. The purpose of the study is to determine the psychological significance of laughter in culture as a system of normative situations. We assumed that in a normative situation as in a biosocial unit of culture, laughter will manifest itself as a phenomenon of a binary nature, containing relations of contrast. The structural-dialectical method of analysis, which consists in the search for contrast, made it possible to build an explanatory model of the phenomenon under study. In the capacity of binary pairs in the study of laughter as a psychological phenomenon, such antinomies as "freedom-fear", "good-evil", "world-antiworld" were singled out. Laughter as a psychological phenomenon has a dialectical structure in which fear gives rise to the desire for freedom; the cultural mission of laughter is associated with the discovery of evil as a violation of the norm and good as the inviolability of culture. The condition for overcoming fear and achieving illusory freedom through laughter is the displacement of evil into the unreal world, which leads to the supra-situation of the subject.

Keywords: structural-dialectical method, laughter, normative situation, cultural congruence.

For citation: Veraksa N.E., Bayanova L.F., Artemyeva T.V. Psychology of laughter in a structural-dialectical approach. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190311>

Введение

Роль смеха трудно поддается рациональной оценке, поскольку он кажется избыточным явлением в человеческой культуре. На первый взгляд, очевидны иррациональность и бесполезность смеха. Известна аристотелевская оценка смешного, где он отмечает, что «...смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное...» [2, с. 650]. При этом история человечества убеждает нас в парадоксальной живучести смеха. Случайное в культуре явление навряд ли столь долго сохранялось бы в ней.

Смех давно стал предметом междисциплинарных исследований. О роли смеха в культуре пишет Л.Ф. Балина, отмечая, что смех оберегает целостность культуры и является мерилем соотношения поступков индивида с требованиями социума. Посредством смеха достигается глубокая, тонкая, эмоционально окрашенная гармония индивидуального и социального в человеке [4].

Смех, по мнению Г.Л. Тульчинского, «...не разрушает основы культуры, но позволяет лучше их про-

чувствовать, создать предпосылки нового осмысления социальной действительности и своего места в ней» [27, с. 34]. А.Г. Козинцев выделяет два фундаментальных человеческих новоприобретения», против которых направлен смех: против речи и против культуры [17].

Если смех сопровождает культуру на протяжении многих столетий, то велика вероятность существования запроса относительно смеха со стороны самой культуры. По этому поводу один из современных философов Л.В. Карасев пишет, что за смехом «...не было ничего, кроме тонкого слоя осмысливающей себя культуры» [15, с. 43]. Историческая нетленность смешного склоняет нас к более глубокому психологическому изучению смеха с точки зрения взаимодействия субъекта и культуры с множеством вопросов к тому, кто смеется, и к тому, над чем смеются. Истоки смеха сходны с истоками мифа, «...возникающего вынужденно, подчиняясь тем силам, которые сдавливали его «извне». В этом смысле миф — дитя необходимости, а отнюдь не свободы» [16, с. 68]. В определенной степени культура априори предо-

ставляет карт-бланш смеху, будучи уверенной в его благих намерениях для собственного самосохранения. Иначе говоря, смех не представляется угрозой для культуры и, может показаться, что он находится на поводке у культуры. Это роднит смех с мифом, который, по мнению Б. Малиновского, ответственен за сохранение культурных традиций и функционально значим для культуры. Смех и миф находятся в пространстве границы соприкосновения культуры и субъекта, решая исторические задачи трансляции культуры и ее генерации [20].

В предметной области психологических исследований смех находит место в меньшей степени, нежели миф, сказка, нарратив. Среди немногочисленных работ по психологии смеха известны исследования О.М. Поповой об особенностях чувства комического у детей дошкольного возраста [22]; комическое в системе регуляции поведения рассматривала М.В. Бороденко [9]; роль юмора в экстремальных условиях жизнедеятельности изучал Н.П. Дедов [13]. О смехе в междисциплинарном контексте написано достаточно много, поэтому, сославшись на меткое выражение поэта, не изводя «тысячи тонн словесной руды», остановимся на аргументации его целесообразности в культуре с точки зрения структурно-диалектического подхода [10]. Для анализа смеха он выбран нами отнюдь не случайно. Во-первых, структурно-диалектический подход основан на диалектике, и это обстоятельство позволяет успешно изучать достаточно сложные явления, что неоднократно показано и в творчестве Л.С. Выготского [12].

С учетом понимания культуры как системы нормативных ситуаций, целью данного исследования стало определение психологического значения смеха в культуре. Смех парадоксален и противоречив, поэтому структурно-диалектический подход мы рассматриваем как наиболее релевантный для анализа смеха. О.А. Шиян в работе о смешном и страшном в детских нарративах подчеркивает, что диалектика обладает сильным инструментальным ресурсом для раскрытия сложных феноменов, а «...диалектический метод явным образом становится необходимым в тех случаях, когда нужно объяснить переходы от наличного к возможному» [30, с. 46]. Известна теория противоречия, согласно которой комическое обнаруживается лишь тогда, когда в нем есть потенциальный конфликт противоречивых составляющих (А. Шопенгауэр, Г. Гегель, Ф. Фишер). Во-вторых, структурно-диалектический подход способен особо точно объяснить смех в контексте культуры. При определении самой культуры обратимся к той части научной мысли, в которой культура понимается через призму ее нормативности (В.С. Библер, И.Б. Бобнева, Н.Е. Веракса, Ю.М. Лотман, А.И. Розов, М.М. Рубинштейн, П.А. Сорокин) [8; 11; 19; 24; 26]. Так, культура, на наш взгляд, выступает, прежде всего, как «...совокупность типичных ситуаций с набором стандартных, предписанных нормами способов активности» [10, с. 86]. Ключевой единицей культуры выступает нормативная ситуация, определяемая как «...сочетание факторов, условий и обстоятельств,

относительно которых социум предписывает субъекту определенные действия» [10, с. 86]. Нормативная ситуация существует объективно, вне субъекта, однако субъект, попадая в нормативную ситуацию, действует в соответствии с заданными в ней нормами, нормированным способом. Именно культурой заданная норма, проявляющаяся в нормативной ситуации, на наш взгляд, является важнейшим источником и причиной порождения смеха. Ведь личность, действующая вне нормы, подвергается либо порицанию, либо осмеянию [19]. Столь подробное описание нормативной ситуации как единицы анализа культуры не случайно, поскольку именно она является причиной порождения смеха и содержит в себе «...культурную норму (будь это правило поведения в общественном месте, математическая формула, музыкальное произведение и т. д.), имеет внутри себя энергетическую составляющую, выражающую напряженность природного начала в индивиде, которое этой культурной нормой и ограничено. <...> культурная норма, или культура, есть напряженная биосоциальная система, в которой природное (натуральное) именно противостоит социальному» [10, с. 90]. Дело в том, что необходимость определять поведение с помощью предписания возникает в точке конфликта, иначе говоря, там, где сталкиваются интересы. Другими словами, правило востребовано в ситуации напряженной. Предписание канализирует это напряжение, обращая его в социально приемлемое поведение, что и характеризует культурную норму. Более того, напряженность культурной нормы проявляется в том, что в нормативной ситуации опредмечивается потребность. Поэтому выполнение предписания так или иначе связано с удовлетворением потребности. Учитывая закон Йеркса-Додсона и концепцию эмоциональной реакции, предложенную П. Фрессом, построенную на основании этого закона, логично допустить, что нарушение исполнения предписания вызывает эмоциональную реакцию в виде смеха. П. Фресс писал: «Все, что вызывает сильную мотивацию, или, точнее, избыточную мотивацию, является причиной эмоциональных реакций» [29, с. 137]. Подтверждением причастности природы смеха к культурной норме выступает, к примеру, теория отклонения от нормы (К. Гросс, Э. Обуэр), согласно которой комическое возникает в момент нарушения общепринятых в культуре норм, правил поведения. Культурные ожидания всегда связаны с соответствием поведения нормам, примером чего служит процесс социализации ребенка, направленный на формирование культурной конгруэнтности [31]. Спектр правил поведения при всем многообразии имеет инвариантный ряд, типичный для того или иного возраста. Оценивая успех социализации, определяют культурную конгруэнтность — степень соответствия поведения ребенка типичным для его социальной ситуации развития правилам. Несовпадение поведения общепринятым правилам выступает явным поводом для смеха, что особенно ярко проявляется в детской субкультуре [3; 30]. Нарастающая с возрастом способность к дистанцированию и к сохранению

чувства безопасности позволяет воспринимать все больше нарушений как комические [25], а смех позволяет дистанцироваться от страха, тревоги [14].

Смех может использоваться не только для своеобразной сверки соответствия поведения социальным нормам, но и для принуждения к их выполнению, осуществления косвенного контроля над поведением других [36; 38], выявления отношения субъекта к предъявляемым нормам [33]. Смех позволяет затрагивать и обсуждать различные темы, запрещенные в культуре [37], зачастую выполняет позитивную роль в обществе, выступая в качестве косвенного и в некоторой степени санкционированного способа разрушения, в отличие от непосредственного удовлетворения соответствующих асоциальных желаний [28].

Шутка часто включает в себя нарушение различных норм: практических, эпистемологических, эстетических. Очень часто юмор — это реакция на ситуации или образы, которые являются дисгармоничными, непропорциональными, асимметричными и беспорядочными. Мы часто смеемся над уродливым и дисгармоничным, или над вещами, которые нарушают наше чувство порядка или единства. Достоинством смеха является то, что он отражает категоризацию тех норм, которые нарушаются в культуре. Именно при нарушении определенных норм успешные шутки могут раскрыть новую грань природы самой нормы, ее структуры и применения [35]. Смех обнажает бессмысленность определенных социальных отношений, отклонение от социальных норм [23].

Диалектика смеха в культурной антиномии свободы и страха

Вступив на тропу структурно-диалектического подхода, необходимо выделить те противоположности, посредством которых диалектика способна дать объяснение смеху как сложному явлению, возникающему в контексте культуры. Указание на ключевую антиномию, относящуюся к смеху, — противопоставление свободы и страха, — встречается в классической работе М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Поведение средневекового человека было строго регламентированным, что исключало смех как возможность проявления его свободы. Страх сковал смех средневекового человека, поэтому повсеместно на официальных площадках культуры, включая литературу, смех отвергался, но оставался островком надежды на свободу. Бахтин прямо пишет об этом следующее: «Особенно остро ощущал средневековый человек в смехе именно победу над страхом. И ощущалась она не только как победа над мистическим страхом («страхом Божиим») и над страхом перед силами природы, — но, прежде всего, как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека: страхом перед всем освященным и запретным (“мана” и “табу”» [5, с. 104]. Силу, способную разрушить культурные табу, Бахтин видит в карнавальной культуре с ого-

воркой на то, что средневековый человек после карнавала возвращается в реальность, не оставляющую надежду на свободу. Смех в карнавальной культуре, на наш взгляд, усугубляет несвободу, высмеивая тех, кто покушается на устои культуры и ее нормы, убеждая средневекового человека в тщетности его антикультурных намерений. Мысль о том, что смех — это путь к посткарнавально усугубленной несвободе, является отрицанием взгляда Бахтина на природу средневекового карнавала и его смеховой культуры как «дарованной смехом свободы». Однако, как утверждал Аверинцев, «...выходя из соглашения с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации — потеряешь» [1, с. 7]. Смех средневекового человека есть, по существу, путь к еще большей несвободе, каковой он был до карнавала, выражаясь словами Аверинцева, — «особый момент несвободы» [1, с. 8]. Смех стоит на страже культурных норм так же, как инквизиция, он лишь создает иллюзию свободы, поскольку «...за смехом никогда не таится насилие, смех не воздвигает костров» [5, с. 109]. О том, что смех — небескорыстный продукт культуры, отмечается и самим Бахтиным: «Бочки с вином лопнут, если время от времени не открывать отверстия и не пускать в них воздух. Все мы, люди, — плохо сколоченные бочки, которые лопнут от вина мудрости, если это вино будет находиться в непрерывном брожении благоговения и страха Божьего. Нужно дать ему воздух, чтобы оно не испортилось. Поэтому мы и разрешаем в себе в определенные дни шутство (глупость), чтобы потом с тем большим усердием вернуться к служению господе» [5, с. 87]. Неслучайно Аверинцев адресует Бахтину вопрос о том, почему не смеялся Христос [1]. Для самого Аверинцева ответ очевиден: «Христос не смеется, потому что в точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен» [1, с. 9]. Следуя логике данного ответа, можно утверждать, что смех — признак несвободы, что противоречит бахтинским утверждениям о «дарованной смехом свободе». Христос стоит на внеэкспертной позиции, что четко прозвучало в Нагорной проповеди: не судите, да не судимы будете. Смех в определенной степени можно рассматривать как гуманистический жест культуры, как способ трансляции норм ненасильственным способом: в смехе «...переход от несвободы к свободе вносит момент некоторой новой несвободы. Но куда важнее другое: он по определению предполагает несвободу» [1, с. 9]. Это становится понятным, когда мы обращаемся к шуте как субъекту, порождающему смех. Шут, как автор юмора и инициатор смеха, занимает экспертную позицию: для него норма четко отрефлексирована, и он чуток к любым ее нарушениям. Высмеивая нарушителя, шутник выступает на страже сохранения нормы, превращая нарушителя в объект смеха. Культурное предназначение шута в древнерусской смеховой культуре — смешашающего, который «валает дурака», очень точно описывает Д.Б. Лихачев: «Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемони-

альных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, — разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся» [18, с. 19]. Следовательно, культура нуждается в смеховой рефлексии своего мироустройства как превенции разрушения и гибели. «В улыбке и смехе, — пишет Карасев, — мы выносим свою оценку миру, не принуждая его к изменению, и если мир все-таки изменяется, то происходит это своим порядком и потому, что смех располагает знанием, каким мир должен быть на самом деле» [15, с. 30]. Смех проявляется в культуре не свободы ради, а для усиления культурных оков. Антиномия «свобода и страх» в смехе как культурном явлении показывает, что в нем скрыта ловушка — иллюзия свободы, ведущая человека к страху быть нарушившим культурную норму и высмеянным. Это похоже, по словам Аверинцева, на «...искушение зажать в руке какой-то талисман — смех, *actegratuit* — ухватиться за него, как, по русской поговорке, утопающий хватается за соломинку, и верить, что пока ощущаешь его в руке, свобода не утрачена» [1, с. 17].

Противопоставляя свободу и страх в смехе, следует отметить важное обстоятельство, что сама свобода в контексте культуры понимается не как вседозволенность, а скорее как некая степень культурного доверия, одобрения и ненаказуемости, связанных с безопасностью человека в культуре. Тогда свобода как безопасность есть состояние до смеха и до страха, а страх и смех стоят рядом, поскольку смех возникает в тот момент, когда культура имеет риски разрушения своих норм. Из антиномии свободы и страха для смеха предпочтительным окажется страх, сковавший когда-то бахтинского средневекового человека ради сохранения культурных норм и не отпускающий оков в последующие века, поскольку смех порожден ради страха. Транслируя эту мысль на обыденность, вспомним тех, кто нарушает устои культуры, привнося в нее новые нормы; эти люди становятся смешными — «чудаками», «сумасшедшими», «дураками». Все названные роли означают потерю социальной позиции в культуре, что близко к обезличиванию. Этот тонкий момент культурной репрессии описан Ю.М. Лотманом [19]. Такова жестокая миссия смеха для человека как субъекта культуры в ее нормативном содержании. Выражаясь в самых резких тонах, мы можем утверждать, что смех — это буллинг культуры. Стратегия дискредитации образа собеседника направлена на исключение его из «круга своих», резкого понижения его статуса. «Неловкая ситуация, в которую попал оппонент, является источником радости от нанесенного ущерба для автора высказывания и одновременно лишает объекта шутки уважения и авторитета» [7, с. 101]. Кроме того, выявлено, что подростки, использующие агрессивный юмор, сами чаще испытывали социальную тревогу, страх и социальное одиночество [32], молодые люди в возрасте от 12 до 21 года, как показано в одном из исследований, которые реже проявляют гнев, как правило, используют адаптивные стили юмора и реже используют агрессивный юмор [34]. Известно, что «ритуальное

нарушение норм», совместное удовольствие от «неожиданного нарушения социального порядка, которое сделано “несерьезно” и “временно”»; «смех как отдых от культурных нормативов» делают социальную среду более безопасной [21, с. 58]. Антиномия страха и свободы в контексте нормативной ситуации породил смех как явление, развивающее субъекта культуры.

Противопоставление добра и зла в смешном

Следующая антиномия — противопоставление добра и зла в понимании природы смеха — является столь же явной, как и антиномия страха и свободы. Этот диалектический момент отмечается как напряженное, но неоднозначное противостояние зла и смеха: «... смех отражает зло в своем зеркале и потому сам невольно делается чем-то на него похожим» [15, с. 39].

Смех — это ответ на зло, но зло не абсолютное, а зло как опасность, понимаемая самой культурой в качестве угрозы нарушения ее собственных норм. Смех выступает как способ противостояния такому антикультурному злу. Смех, располагаясь на границе культуры, стоит на ее страже и возникает тогда, когда есть опасность, грозящая культурной норме: «Смех всегда идет рядом со злом — то удаляясь, то приближаясь к нему, и эта связь дает себя почувствовать во всех его проявлениях, начиная от тончайших афоризмов и кончая совпадением обозначений смеха и оскала во многих европейских языках» [15, с. 33]. Как ни парадоксально это прозвучит, делегатом культуры, «прозревающим существо и меру зла», является тот, кто производит смех, — шут. Он видит зло, будучи надситуативным, что точно отражено в небезызвестной песне:

«Я — шут, я — Арлекин, я — просто смех,
Без имени и, в общем, без судьбы.
Какое, право, дело вам до тех,
Над кем пришли повеселиться вы».

Бахтин отмечает, что «шут — бесправный носитель объективно отвеченной истины», шут провозглашает «общечеловеческую правду», пользуясь смехом [5, с. 106]. Шут, проникательно узревший зло, пускает в него стрелу смеха, но при этом «сам смеющийся часто не весел» [15, с. 43]. Смеху предшествует угроза разрушения культуры, которая делегирует шуту, способного обнаружить зло и высмеять его. Шут превращает зло в «веселое страшилище» [5, с. 432]. Разумеется, шут — скоморох, ряженный в гротескные образы, являет собой лишь символ, адресованной культурой миссии ее хранителя. Если тот, кто смеется, по выражению Аверинцева, держит в руках смех, как талисман иллюзорной свободы, то шут хватается в руки зло и топчет его в смехе. Оказывается, что зло, как риск трансформации культуры и ее обновления, уничтожается смехом, вселяя страх в того, над кем смеются. Смех возникает как обнаружение зла, несущего риски культуре. Классическим в этом смысле является осмеянный всеми Гамлет, посяг-

нувший на устои Эльсинора, превращенный в сумасшедшего, смешного и бесправного [6]. Зло как посягательство на преобразование, как амбиция творца с его извечным «быть или не быть?» становится жертвой всепобеждающего смеха.

Надситуативность смешного в противоречии реального и нереального

Страх и зло, как ни парадоксально это звучит, победившие свободу и добро антитезы, сущностны для природы смеха. Однако смех наряду с его рациональным предназначением в культуре имеет и эстетическую, иррациональную составляющую, проявляющуюся в антиномии реального и нереального. Антиномия реального и нереального в смехе обусловлена тем, что, чаще всего, смех обнаруживается в момент перемещения зла из того места, где оно было, в иное, как правило, противоположное. Субъект, превращающий страх и зло культуры в нереальность, приобретает надситуативную свободу. С одной стороны, это та же свобода над страхом. С другой стороны, смешное в нереальных обстоятельствах становится недостижимым, далеким и от того видимым извне, со стороны.

Смех зачастую возникает в тот момент, когда меняется контекст пребывания зла. Все известные в юморе «понарошку», «наоборот», «вверх тормашками» — не что иное, как приемы, позволяющие гротескно показать зло. К примеру, в древнерусском смехе, принято выворачивание шутом одежды наружу, одевание им шапок задом наперед. Эти действия шута являются пафосным и дерзким показом нарушения им культурных норм, за которым следуют его приключения в «изнаночном мире». Для культуры явной альтернативой смеху является репрессия зла, о чем свидетельствует история отношения к вольнодумству. Здесь можно отметить, что репрессия и смех имеют одно предназначение — сохранение устоев культуры, однако у репрессии и смеха разные следы. Репрессия оставляет витальный страх, а смех — социальный, культурный. «Смех — это смена видения, смена стекол, позволяющая видеть мир всякий раз с такого расстояния, с какого он будет выглядеть безопасным и смешным; смех — это работа с пространством смысла, благодаря которой зло теряет свою действенность, иначе говоря, выступает в форме, ока-

зывающей обратное действие на саму его сущность, в форме, избывающей эту сущность и лишаящей ее смысла» [15, с. 31].

Для того, чтобы зло было смешным, надо увидеть его в нереальных, непривычных для него обстоятельствах. Такие нереальные обстоятельства Д.Б. Лихачев называет «миром антикультуры»: «Для древнерусских пародий характерна следующая схема построения вселенной. Вселенная делится на мир настоящий, организованный, мир культуры, и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир антикультуры» [18, с. 16]. Зло как посягательство на культурные нормы, дерзкое, сильное и страшное, в новых обстоятельствах должно стать слабым, растерянным и смешным. Тогда миссию смеха можно считать завершённой.

Выводы

Структурно-диалектический подход в оценке психологии смеха позволяет выявить природу смеха как культурного феномена, порождаемого взаимодействием субъекта и правила в нормативной ситуации: смешное появляется в момент нарушения нормы как репрессивная культурная реакция.

Смех является следствием противопоставления антиномий страха и свободы, добра и зла, реального и нереального; смех инициирует страх как превенцию девиаций культурных норм; для смеха нарушение культурной конгруэнтности выступает как зло, несущее разрушение нормативной архитектуры культуры.

Эстетическая форма смешного, восходящая к антиномии реального и нереального, позволяет субъекту переместить ситуацию угрозы культурной целостности в нереальный мир — в карнавал, в перевертыш, в наоборот.

Смех предполагает культурную целесообразность в части трансляции и сохранения культурных норм, поэтому проблема смешного требует изучения в детской субкультуре с точки зрения развития как средств, так и форм смешного на разных этапах социализации в онтогенезе; изучение смешного в области детской психологии открывает новые возможности для понимания механизмов формирования поведения ребенка в нормативной ситуации.

Литература

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Поэтика. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Артемьева Т.В. Юмор детей: содержание конструкта и методика его оценки // Современное дошкольное образование. 2021. № 3. С. 46–59. DOI:10.24412/1997-9657-2021-3105-46-59
4. Балина Л.Ф. Феномен смеха в культуре: дисс. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2005. 159 с.

References

1. Averintsev S.S. Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, christian culture]. In *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 7–19. (In Russ.).
2. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. Poetika [Essays: in 4 vol. Vol. 4. Poetics]. Moscow: Mysl', 1983. 830 p. (In Russ.).
3. Artem'eva T.V. Yumor detei: sodержanie konstrukta i metodika ego otsenki [Humor of children: the content of the construct and the methodology of its evaluation]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Modern preschool education], 2021,

5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
6. Баянова Л.Ф. Образ Гамлета у Л.С. Выготского как отражение психологических особенностей эпохи // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 77–84.
7. Белютина Ю.А. Юмор как инструмент социопрагматического воздействия // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2. С. 89–106.
8. Библер В.С. На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
9. Бороденко М.В. Комическое в системе установочной регуляции поведения: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995. 140 с.
10. Веракса Н.Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. 2000. № 1. С. 81–107.
11. Веракса Н.Е. Научная психологическая школа «Структурно-диалектической психологии развития» на факультете социальной психологии // Московская психологическая школа: история и современность: в 4 т. Т. 4. М.: МГППУ, 2007. С. 66–73.
12. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.
13. Дедов Н.П. Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000. 224 с.
14. Иванова Е.М. Идеи классических отечественных мыслителей о юморе и смехе и современная психология юмора // Studia Culturae. 2017. Вып. 1. С. 57–74.
15. Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Издательский центр РГГУ, 1996. 222 с.
16. Карасев Л.В. Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 68–86.
17. Козинцев А.Г. Человек и смех. М.: Алетейя, 2007. 236 с.
18. Лихачев Д.Б., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 213 с.
19. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
20. Малиновский Б. Научная теория культуры: пер. с англ. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
21. Николаева И.А., Котова С.А. Возможности смеха в профилактике и коррекции детской агрессии // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 3. С. 54–61.
22. Попова О.М. Особенности чувства комического у дошкольников и система его формирования в целях оптимизации эмоционально-нравственного развития: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2006. 56 с.
23. Прот В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
24. Розов А.И. Некоторые психологические вопросы проблематики социокультурных норм // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 112–120.
25. Романова А.Л. Возрастные особенности восприятия смешного и страшного в мультфильме // Культурно-историческая психология. 2014. Том. 10. № 4. С. 47–56.
26. Рубинштейн М.М. Идея личности как основа мировоззрения. М.: Тип. С.А. Кинеловского, 1909. 124 с.
27. Тульчинский Г.Л. Культура личности и смех // Человек. 2012. № 2. С. 20–34.
28. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Азбука-классика, 2006. 283 с.
29. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. С. 111–196.
- no. 3, pp. 46–59. DOI:10.24412/1997-9657-2021-3105-46-59. (In Russ.).
4. Balina L.F. Fenomen smekha v kul'ture. Diss. kand. filos. nauk. [The phenomenon of laughter in culture. Ph. D. (Philosophy) diss.]. Tyumen', 2005. 159 p. (In Russ.).
5. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p. (In Russ.).
6. Bayanova L.F. Obraz Gamleta u L.S.Vygotskogo kak otrazhenie psikhologicheskikh osobennostei epokhi [L.S.Vygotsky's Image of Hamlet as a reflection of the psychological characteristics of the Epoch]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2011, no. 6, pp. 77–84. (In Russ.).
7. Belyutina Yu.A. Yumor kak instrument sotsioprugmaticheskogo vozdeistviya [Humor as a tool of sociopragmatic influence]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], 2013, no. 2, pp. 89–106. (In Russ.).
8. Bibler V.S. Na granyakh logiki kul'tury: kniga izbrannykh ocherkov [On the edges of the logic of culture. The Book of selected essays]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. 440 p. (In Russ.).
9. Borodenko M.V. Komicheskoe v sisteme ustanovochnoi regulyatsii povedeniya. Diss. kand. psikhol. nauk. [The comic in the system of installation regulation of behavior. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1995. 140 p. (In Russ.).
10. Veraksa N.E. Lichnost' i kul'tura: strukturno-dialekticheskii podkhod [Personality and culture: a structural-dialectical approach]. *Peremeny* [Change], 2000, no. 1, pp. 81–107. (In Russ.).
11. Veraksa N.E. Nauchnaya psikhologicheskaya shkola «Strukturno-dialekticheskaya psikhologiya razvitiya» na fakul'tete sotsial'noi psikhologii [Scientific Psychological School «Structural and Dialectical Psychology» of Development at the Faculty of Social Psychology]. In *Moskovskaya psikhologicheskaya shkola: istoriya i sovremennost': v 4 t. T. 4* [Moscow Psychological School: History and Modernity: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow: MGPPU, 2007, pp. 66–73. (In Russ.).
12. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art]. Moscow: Pedagogika, 1987. 341 p.
13. Dedov N.P. Diagnostiruyushchaya i reguliruyushchaya rol' yumora v ekstremal'nykh usloviyakh: Diss. kand. psikhol. nauk. [The diagnostic and regulatory role of humor in extreme conditions. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.).
14. Ivanova E.M. Idei klassicheskikh otechestvennykh myslitelei o yumore i smekhe i sovremennaya psikhologiya yumora [Ideas of classical Russian thinkers about humor and laughter and modern psychology of humor]. *Studia Culturae*, 2017, no. 1, pp. 57–74. (In Russ.).
15. Karasev L.V. Filosofiya smekha [The philosophy of laughter]. Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU, 1996. 222 p. (In Russ.).
16. Karasev L.V. Mifologiya smekha [The mythology of laughter]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1991, no. 7, pp. 68–86. (In Russ.).
17. Kozintsev A.G. Chelovek i smekh [Man and laughter]. Moscow: Aleteiya, 2007. 236 p. (In Russ.).
18. Likhachev D.B., Panchenko A.M. «Smekhovoii mir» Drevnei Rusi [The «Laughing World» of Ancient Russia]. Leningrad: Nauka, 1976. 213 p. (In Russ.).
19. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis, 1992. 272 p. (In Russ.).

30. Шиян О.А. Смешное и страшное в детских нарративах: когнитивный аспект // Национальный психологический журнал. 2022. № 3. С. 44–51. DOI:10.11621/npj.2022.0306
31. Bayanova L.F., Mustafin T.R. Factors of compliance of a child with rules in a Russian cultural context // European Early Childhood Education Research Journal. 2016. Vol. 24. № 3. P. 357–364. DOI:10.1080/1350293X.2016.1164394
32. Chiang Y.C., Lee C.Y., Wang H.H. Effects of classroom humor climate and acceptance of humor messages on adolescents' expressions of humor // Child Youth Care Forum. 2016. № 45. P. 543–569. DOI:10.1007/s10566-015-9345-7
33. Kane T.R., Suls J., Tedeschi J.T. Humour as a tool of social interaction // It's a funny thing, humour / Eds. A.J. Chapman, H.C. Foot. Oxford: Pergamon Press, 1977. P. 13–16. DOI:10.1016/B978-0-08-021376-7.50007-3
34. Karlyk-Ćwik A. Humor and expression of anger in socially maladapted youth // Social Education Research. 2022. Vol. 3. № 1. P. 67–79. DOI:10.37256/ser.3120221191
35. Kotzen M. The normativity of humor // Philosophical Issue. 2015. № 25. Normativity. P. 396–414. DOI:10.1111/phs.12048
36. Long D.L., Graesser A.C. Wit and humor in discourse processing // Discourse Processes. 1988. Vol. 11. № 1. P. 35–60. DOI:10.1080/01638538809544690
37. Oring E. Humor and the suppression of sentiment // Humor: International Journal of Humor Research. 1994. Vol. 7. № 1. P. 7–26. DOI:10.1515/humr.1994.7.1.7
38. Polimeni J.O. Jokes optimise social norms, laughter synchronises social attitudes: an evolutionary hypothesis on the origins of humour // European Journal of Humour Research. 2016. Vol. 4. № 2. P. 70–81. DOI:10.7592/EJHR2016.4.2.polimeni
20. Malinovskii B. Nauchnaya teoriya kul'tury: per. s eng. [Scientific theory of culture]. Moscow: OGI, 2005. 184 p. (In Russ.).
21. Nikolaeva I.A., Kotova S.A. Vozmozhnosti smekha v profilaktike i korrektsii detskoj agressii [The possibilities of laughter in the prevention and correction of child aggression]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kurgan State University], 2019, no. 3, pp. 54–61. (In Russ.).
22. Popova O.M. Osobennosti chuvstva komicheskogo u doshkol'nikov i sistema ego formirovaniya v tselyakh optimizatsii emotsional'no-nravstvennogo razvitiya. Avtopef. Diss. dokt. psikh. nauk. [Features of the sense of comic in preschoolers and the system of its formation in order to optimize emotional and moral development. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Nizhniy Novgorod, 2006. 56 p. (In Russ.).
23. Propp V.Ya. Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klore [Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore]. Moscow: Labirint, 1999. 288 p. (In Russ.).
24. Rozov A.I. Nekotorye psikhologicheskie voprosy problematiki sotsiokul'turnykh norm [Some psychological issues of the problems of socio-cultural norms]. Voprosy psikhologii [Questions of psychology], 1990, no. 5, pp. 112–120. (In Russ.).
25. Romanova A.L. Vozrastnye osobennosti vospriyatiya smeshnogo i strashnogo v mul'tfil'me [Age-related features of the perception of funny and scary in the cartoon]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology, 2014. Vol. 10, no. 4, pp. 47–56. (In Russ.).
26. Rubinshtein M.M. Ideya lichnosti kak osnova mirovovzreniya [The idea of personality as the basis of the worldview]. Moscow: Tip. S.A. Kinelovskogo, 1909. 124 p. (In Russ.).
27. Tul'chinskii G.L. Kul'tura lichnosti i smekh [Personality culture and laughter]. Chelovek = Person, 2012, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).
28. Freid Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [Wit and its relation to the unconscious]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. 283 p. (In Russ.).
29. Fress P. Emotsii [Emotions]. In Fressa P., Piazhe Zh. (ed.) Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]. Moscow: Progress, 1975, pp. 111–196. (In Russ.).
30. Shiyani O.A. Smeshnoe i strashnoe v detskikh narrativakh: kognitivnyi aspekt [Funny and scary in children's narratives: cognitive aspect]. Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal], 2022, no. 3, pp. 44–51. DOI:10.11621/npj.2022.0306. (In Russ.).
31. Bayanova L.F., Mustafin T.R. Factors of compliance of a child with rules in a Russian cultural context. European Early Childhood Education Research Journal, 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 357–364. DOI:10.1080/1350293X.2016.1164394
32. Chiang Y.C., Lee C.Y., Wang H.H. Effects of classroom humor climate and acceptance of humor messages on adolescents' expressions of humor. Child Youth Care Forum, 2016, no. 45, pp. 543–569. DOI:10.1007/s10566-015-9345-7
33. Kane T.R., Suls J., Tedeschi J.T. Humour as a tool of social interaction. In Chapman A.J., Foot H.C. (eds.) It's a funny thing, humour. Oxford: Pergamon Press, 1977, pp. 13–16. DOI:10.1016/B978-0-08-021376-7.50007-3
34. Karlyk-Ćwik A. Humor and expression of anger in socially maladapted youth. Social Education Research, 2022, Vol. 3, no. 1, pp. 67–79. DOI:10.37256/ser.3120221191
35. Kotzen M. The normativity of humor. Philosophical Issue, 2015, no. 25. Normativity, pp. 396–414. DOI:10.1111/phs.12048

36. Long D.L., Graesser A.C. Wit and humor in discourse processing. *Discourse Processes*, 1988, Vol. 11, no. 1, pp. 35–60. DOI:10.1080/01638538809544690

37. Oring E. Humor and the suppression of sentiment. *Humor: International Journal of Humor Research*, 1994, Vol. 7, no. 1, pp. 7–26. DOI:10.1515/humr.1994.7.1.7

38. Polimeni J.O. Jokes optimise social norms, laughter synchronises social attitudes: an evolutionary hypothesis on the origins of humour. *European Journal of Humour Research*, 2016, Vol. 4, no. 2, pp. 70–81. DOI:10.7592/EJHR2016.4.2.polimeni

Информация об авторах

Веракса Николай Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-7319>, e-mail: neveraksa@gmail.com.

Баянова Лариса Фаритовна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории детства и цифровой социализации, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7410-9127>, e-mail: balan7@yandex.ru.

Артемьева Татьяна Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО «КФУ»), Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0040-1301>, e-mail: Tatyana.Artemeva@kpfu.ru

Information about the authors

Nikolay E. Veraksa, PhD in Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3752-7319>, e-mail: neveraksa@gmail.com.

Larisa F. Bayanova, PhD in Psychology, Researcher at the Laboratory of Childhood and Digital socialization, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7410-9127>, e-mail: balan7@yandex.ru.

Tatiana V. Artemyeva, PhD in Psychology, associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0040-1301>, e-mail: Tatyana.Artemeva@kpfu.ru

Получена 10.06.2023

Принята в печать 25.09.2023

Received 10.06.2023

Accepted 25.09.2023